

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО СПАСЕНИЮ ЖЕРТВ БЕЛОГО ТЕРРОРА В ВЕНГРИИ *

ЙОЖЕФ ГАБОР

Сорок лет назад, в 1924 г., закончился обмен коммунистов и различных политических заключенных, приговоренных после падения Венгерской советской республики к смертной казни или длительному тюремному заключению, на пленных венгерских офицеров, находившихся в Советской России. Этому предшествовали затяжные, но решительные и последовательные переговоры молодой советской дипломатии с хортистским правительством, которое после длительных проволочек было вынуждено подписать соглашение об обмене ¹.

Многочисленные исторические примеры свидетельствуют о том, что жестокая и мстительная контрреволюция всегда требовала кровавых жертв. Однако офицерские отряды Хорти циничной жестокостью, организацией погромов, изощренными пытками и издевательствами далеко превзошли своих предшественников, они бесчеловечно уничтожали не только коммунистов, но и всех прогрессивно настроенных людей. Число жертв белого террора в Венгрии нельзя установить точно. Приблизительные данные можно найти в статье Феликса Кона, опубликованной в 1924 г. Согласно этим данным, венгерская контрреволюция казнила 10 тыс. человек, 70 тыс. человек были заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря, 20—25 тыс. были вынуждены эмигрировать за границу ². Советское правительство решительно протестовало против террора Хорти, но вследствие сложной международной обстановки и отсутствия информации оно с опозданием узнавало о вынесении противозаконных приговоров и не могло помешать первым казням. Летом 1920 г. Советскому правительству стало известно, что проходят новые чрезвычайные военно-полевые суды. 5 июля 1920 г. началось главное судебное разбирательство дела десяти народных комиссаров: Деже Бокани, Ференца Байаки, Дьердя Нистора, Йожефа Келена, Шандора Сабадоша, Кароя Вантуша, Хенрика Кальмара, Антала Довчака, Йожефа Хаубриха и Петера Агоштона. Советское правительство послало венгерскому правительству телеграмму-молнию, в которой еще раз выражало протест против белого террора и одновременно заявляло, что оно держит в качестве заложников десять венгерских офицеров аристократического происхождения, которые своей жизнью заплатят за судьбу народных комиссаров.

Однако венгерское правительство до конца года не реагировало на эту телеграмму, несмотря на то, что нарком иностранных дел неоднократно повторял указанный в ней список. Более того, в октябре 1920 г. в Берлине на переговорах по поводу «помощи Нансена» представитель Советского правительства Эйдук вновь сделал словесное предложение об обмене представителю венгерского правительства Юнгерту, но безрезультатно. Так как в это время империалисты Запада организовали свой третий поход против советского народа, правительство Хорти рас-

* Сокращенный перевод статьи из органа Института истории партии при Центральном Комитете Венгерской социалистической рабочей партии журнала «Párttörténeti közlemények» (№ 4 за 1964 г., стр. 93—111).

¹ Ни в Венгрии, ни в Советском Союзе до настоящего времени не публиковались материалы об обмене, основанные на исторических фактах и официальных документах. Автор статьи, умерший в октябре 1964 г., по поручению советских властей проводил в Риге обмен венгерских офицеров, взятых в плен в первой мировой войне, на венгерских политических заключенных.

² F. Kon. Der kapitalistische Terror. «Die Kommunistische Internationale», Bd. 5, № 31—32, S. 118.

считывало на то, что вследствие тяжелых боев и трудного экономического положения Советская власть падет и заложники без всяких условий вернутся на родину. Но Красная Армия разгромила контрреволюционные силы. Все надежды на падение социалистического государства рассеялись как дым, и хотя 25 декабря 1920 г. Бокани, Хаубрих, Вантуш и Агоштон были приговорены к смертной казни, а остальные 6 комиссаров к пожизненному тюремному заключению, венгерское правительство потеряло уверенность в безоговорочном освобождении офицеров-аристократов. В их интересах необходимо было что-то предпринять. Поэтому граф Пал Телеки, новый министр иностранных дел, в тот же день, когда были оглашены приговоры народным комиссарам, откликнулся радиограммой на неоднократно повторенную по радио ноту Чичерина, изъявив готовность вести переговоры о их судьбе. В этом сыграли свою роль и выступления влиятельных родственников военнопленных, которые направляли делегации к премьер-министру Бетлену, выступали с интерpellациями в парламенте, обращались к самому регенту.

30 декабря 1920 г. Чичерин дал ответ Телеки. Он отклонил обвинение в «бесчеловечности», предъявленное Советскому правительству: «У правительства, удерживающегося у власти с помощью убийств и погромов... меньше, чем у кого-либо, прав говорить о человечности и цивилизации». Далее нота гласила: Советское правительство объявило пленных заложниками, так как это было единственным средством в его распоряжении помочь осужденным народным комиссарам, спасение которых оно считает своей священной обязанностью. В заключение в ноте сообщалось, что представитель венгерского правительства может начать переговоры с послом РСФСР в Эстонии Литвиновым.

В январе 1921 г. Михай Юнгерт, советник Министерства иностранных дел, в сопровождении Гезы Молдовани, старшего чиновника Министерства юстиции, отправился в Ревель и начал переговоры с Литвиновым. Однако по вине венгерской стороны эти переговоры вскоре были прерваны и возобновились, по существу, лишь 22 февраля, но и тогда из-за саботажа представителей венгерского правительства продвигались медленно. В начале переговоров Юнгерт заявил, что Советское правительство не выполняет двустороннего соглашения об обмене военнопленными, заключенного 29 мая 1920 г. в Копенгагене, и задерживает военнопленных.

Литвинов возразил, что венгерские военнопленные, находящиеся в России, без всяких проволочек отправляются домой, и если уж поднимать вопрос о несоблюдении данного соглашения, то это вправе делать советская сторона, так как венгерские власти с помощью различных ухищрений препятствуют возвращению на родину части русских военнопленных, находящихся в Венгрии. Затем Литвинов обратил внимание Юнгерта на то, что предметом настоящих переговоров является судьба заложников и десяти народных комиссаров. Юнгерт высокомерно заявил: «Судьба офицеров-заложников волнует венгерское правительство столько же, сколько и судьба остальных. Моя задача — помочь им вернуться на родину, и больше венгерское правительство ничего не интересуется». После того как Литвинов призвал венгерского представителя перейти к серьезным переговорам, тот сделал следующее предложение: «Русское правительство передает всех венгерских военнопленных и в первую очередь названных поименно офицеров, в ответ на это венгерское правительство готово отпустить всех русских гражданских лиц и военнопленных. Что касается десяти народных комиссаров, то можно смягчить их приговор до 15 лет тюремного заключения». Литвинов после длительного дальнейшего обсуждения предложил окончательно следующее: взаимная отправка на родину военнопленных рядового состава, основанная на Копенгагенском соглашении, продолжается. Помимо этого, обе стороны подписывают новое соглашение, по которому Советское прави-

тельство передает всех венгерских офицеров и лиц буржуазного происхождения, находящихся в лагерях; венгерское же правительство разрешает десяти осужденным комиссарам и всем лицам, которые были приговорены к смерти, тюремному заключению или преследовались за деятельность в период Венгерской советской республики (они будут перечислены в приложенном к соглашению списке), переселиться в Советскую Россию, если они того пожелают.

Юнгерт с деланым возмущением отверг это предложение, назвав его попранием государственного суверенитета Венгрии, вмешательством в ее внутренние дела, нарушением международных прав и т. д. Он добавил, что такое соглашение, даже если бы оно было тайным, все равно стало бы предметом гласности и было бы сочтено незаконным, так как венгерские законы не допускают выдачи венгерских граждан иностранному государству и такой практики вообще не наблюдалось в международном праве. Ответ Литвинова был простым и решительным. Он заявил, что в секретном соглашении нет необходимости, потому что дипломатия Советского правительства прямая и открытая. Советское правительство уже заключило значительное число соглашений об обмене, например с Великобританией, Эстонией и Грузией, которые нельзя истолковать как нарушение международных права или вмешательство во внутренние дела других государств. Решительное требование Советского правительства — полная амнистия политических заключенных и их обмен — основывается на том, что пребывание в Венгрии, находящейся во власти Хорти, опасно для жизни заключенных: это требование обусловлено духом интернационализма, присущим советским трудящимся.

Не в состоянии возразить Литвинову, Юнгерт заявил, что у него нет полномочий для принятия предложений, и отправился в Берлин для консультации с венгерским послом в Германии. Он вернулся в Ревель весьма быстро и заявил о готовности выдать десять народных комиссаров в ответ на передачу всех венгерских офицеров. Однако Литвинов твердо настаивал на прежних условиях, в соответствии с которыми в обмен на всех офицеров венгерские власти должны были передать 450 заключенных (тем более, что за прошедшее время венгерские уголовные суды успели вынести еще два смертных приговора).

Переговоры прервались, и в начале марта Юнгерт возвратился в Будапешт. В это время — период кронштадтского контрреволюционного мятежа — венгерское правительство вновь обрело надежду, что советский строй падет. Однако оно вновь просчиталось. 18 марта кронштадтский мятеж был подавлен. В этот же день в Риге был подписан советско-польский мирный договор. Пролетарская власть в Советской России не была сломлена, более того, экономическое положение страны улучшалось, а одновременно изо дня в день улучшалась и внешнеполитическая обстановка.

Поэтому Министерство иностранных дел Венгрии в конце концов было вынуждено признать необходимость серьезных переговоров с Советским правительством. Министр иностранных дел Банффи направил министру юстиции конфиденциальное послание, в котором предлагал поторопиться с ответом Советскому правительству, «потому что затягивание переговоров... держит в тревоге родственников военнопленных и широкую публику»³. 21 апреля делегация влиятельных родственников военнопленных просила премьер-министра Бетлена принять меры для их возвращения на родину. 12 июля 1921 г. родственники заложников вновь обратились к Бетлену и председателю Национального собрания Иштвану Раковскому с решительным требованием возвращения офицеров. Венгерское правительство было вынуждено заявить, что, в соответ-

³ Государственный архив Венгрии. Конфиденциальное сообщение Министерства иностранных дел Венгрии № 41632/1921 за подписью Банффи 18 апреля 1921 г.

ствии с решением Совета Министров, Юнгерт отправляется в Ригу для продолжения переговоров и получает полномочия подписать соглашение об обмене.

Вернувшись в Ригу, Юнгерт сделал еще несколько попыток затянуть переговоры, но в конце концов 28 июля 1921 г. на основе предшествующих предложений Литвинова было подписано (с советской стороны Ганецким, тогда послом в Латвии) Рижское соглашение об обмене, которое в скором времени было ратифицировано обоими правительствами. В соответствии с соглашением от 400 до 450 лиц, указанных в списке, подлежали обмену на 2000 венгерских офицеров. В то же время венгерское правительство должно было передать всех русских военнопленных, находящихся в Венгрии в тюрьмах, в предварительном заключении, концентрационных лагерях, больницах и на свободе. В первом списке, прикрепленном к соглашению, фигурировали имена 415 политических заключенных, среди них 50 приговоренных к смертной казни или ожидающих вынесения смертного приговора, и 100 приговоренных к пожизненному тюремному заключению; подавляющее большинство остальных были приговорены к лишению свободы на сроки от 10 до 15 лет. Помимо десяти народных комиссаров, смертная казнь грозила Чордашу, Пакши, Маккаи, Фриесу, Рафаэлю, Шрётеру, Вравко, Шёну, Шомоди, Шуди и Тауфферу; пожизненное и длительное тюремное заключение — Режё Санто, Ференцу Янчику, Йожефу Хевеши, Акошу Хевеши, Аладару Хикадэ, Анталу Мошойго, Шандору Шимичу, Яношу Матейке, Михаю Ковачику, Беле Фекете, Йожефу Глаттеру, Карою Чуте, Игнацу Богару, Дьёрдю Самуэли, Лайошу Кишшу, Йожефу Рабиновичу, Шандору Сатмари, Лайошу Мадяру, Эрнё Цобелю, Игнацу Фришшу, Шимону Богдану, Миклошу Кишшу, Шандору Варьяшу, Палу Хайду, Режё Якабу, Йенё Ланднеру и другим. В списке значились также такие представители революционной молодежи, брошенные в тюрьму в 1921 г., как Имре Хорват, Андор Береи, Золтан Ваш, Йожеф Ференц, Эржебет Андич. В тюрьмах находились также Йолан Келен, Гизелла Берцевици, Жофи Крамер, Роза Рот, Шари Фоньо, Рожи Богдан, Эржебет Палинкаш, Маргит Клейн и другие женщины. В соответствии с соглашением жены и дети лиц, подлежащих обмену, отдельной партией должны были беспрепятственно следовать за главой семьи в Советскую Россию. Равным образом венгерские офицеры, женившиеся в России (а таких было много), могли взять свои семьи с собой в Венгрию.

В ходе дальнейших переговоров обе стороны пришли к соглашению о том, что вместо тех, кто по каким-либо соображениям не желает покидать Венгрию, в список могут быть внесены другие лица. Представитель правительства Хорти настоял на том, чтобы в списке подлежащих обмену был отдельно указан капитан генерального штаба Маршалл, сын одного из генералов Хорти, которого советский революционный трибунал приговорил к смертной казни. Советское правительство оставило за собой право позднее назвать имя приговоренного к смертной казни политического заключенного, на которого может быть обменен Маршалл⁴.

Было условлено, что обмен будет проходить на нейтральной территории, в Риге, в присутствии официального представителя латвийского правительства, советника Министерства внутренних дел Якобсона.

Советское правительство намеревалось (по неофициальным сведениям) произвести весь обмен в 2—3 месяца — отправлять в Венгрию три партии через две недели, каждую по 800 человек, затем примерно 600 ос-

⁴ Позднее Советское правительство в обмен на Маршалла потребовало приговоренного к смертной казни журналиста, радикала Кери, которого венгерские власти не соглашались выдать вместе с другими на том основании, что Кери был приговорен к смертной казни не за деятельность в период Венгерской советской республики, а за покушение на Иштвана Тису в 1918 г.

тавшихся и, наконец, отдельных лиц. Доставка первой партии военнопленных была подготовлена очень быстро.

Официальные лица из Министерства иностранных дел Венгрии создавали видимость благих намерений. Они планировали в каждой партии отправлять по 120 заключенных, но в действительности отправляли по 80, ссылаясь на то, что остальные не желают переезжать в Советскую Россию. Венгерские газеты продолжали клеветническую антисоветскую кампанию. Представители властей пробовали уговорить родственников осужденных отказаться от переезда, чтобы таким образом повлиять на выезд самих осужденных. Они рассказывали, что в Советской России свирепствуют голод, эпидемии, что обмененных везут работать на сибирские свинцовые рудники, где их уничтожат, и т. д. Время от времени они пытались вселить в заключенных и их родственников надежду на всеобщую амнистию. Так удалось отговорить от переезда жену находящегося в цегледской тюрьме Йожефа Сабо. После того, как суд присудил детей матери, Йожеф Сабо, чтобы не расставаться с семьей, 26 сентября взял обратно заявление, подписанное им 18 сентября. В результате запугиваний от переезда отказались Михай Доминик, Иштван Ваги и некоторые другие⁵. Но таких случаев было ничтожно мало. Когда через 6 недель после подписания соглашения начался допрос первой партии заключенных, из 94 человек 93 заявили о желании выехать в Советскую Россию.

Во многих случаях венгерские власти пытались принудить допрашиваемых к таким признаниям, которые могли бы скомпрометировать их товарищей по борьбе или других заключенных. С помощью допросов, «духовной обработки», формальных придинок они так затягивали обмен, что даже венгерское Министерство иностранных дел вынуждено было 8 октября 1921 г. предложить государственному прокурору Рустеку ускорить выполнение формальностей⁶. Лишь в последние дни октября, т. е. спустя 3 месяца после подписания соглашения, венгерская сторона подготовила первую партию для обмена. Вместо обещанных 120 человек она состояла из 60⁷. Осужденных закованными в цепи доставляли на вокзал, но не на Западный, как заявили об этом заранее, а на Ракошпендезё, чтобы родственники не могли попрощаться с ними. Маленькие окна товарных железнодорожных вагонов были покрыты железными решетками, в один вагон вместе с вещами втискивали 40—45 человек.

Советское правительство отправило с первой партией в Ригу 375 офицеров, 15 жен офицеров и 7 детей. 8 военнопленных офицеров вообще отказались от возвращения, четверо больных лежали в московской больнице и отстали от поезда. Таким образом, соотношение лиц, подлежащих обмену, было 1 : 6. Обмен был произведен 29 октября 1921 г. Венгерские власти опоздали и с отправкой второй партии. Уже в начале ноября представитель латвийского правительства послал в Будапешт телеграмму, в которой предлагалось ускорить ее высылку, так как встречная партия венгерских военнопленных, вновь состоявшая из 375 офицеров, 8 ноября должна была покинуть Москву. Тем не менее венгерские власти отправили партию лишь в середине ноября; больше того, так как они во время не оповестили чехов, те не приняли транспорт в районе Соба. Вторично партию отправили 1 декабря.

В это время Венгрия и Советская Россия договорились в Берлине с немцами и Международным Красным Крестом о том, что те направят несколько доверенных лиц в обе страны для обеспечения беспрепятственного обмена, учета пожеланий лиц, подлежащих обмену, подтверж-

⁵ Государственный архив Венгрии. Конфиденциальное сообщение Министерства юстиции № 550/111, 26 октября 1921 г.

⁶ Там же. Официальный акт Министерства иностранных дел № 81563/13 за подписью чрезвычайного посла Канья.

⁷ Государственный архив Венгрии. Протокол Министерства юстиции № 550/115. Строго секретно.

дения свидетельств о смерти, заботе о могилах умерших и т. д. Выполнение этих задач в Советской России было поручено Густаву Хильгеру, в Венгрии — Мору Шлезингеру. Хильгеру были созданы все условия для беспрепятственной работы, и он выразил большую признательность за помощь, оказанную ему советскими властями. Шлезингер же жаловался на то, что венгерские судебные власти не только не помогают, а, напротив, препятствуют его работе и позволяют беседовать с осужденными лишь после длительных проволочек. Однажды он заявил даже, что отказывается от дальнейшего исполнения своих обязанностей, и возобновил работу лишь тогда, когда его заверили в том, что не будут больше чинить ему препятствий. Он объяснил нам, что сделал это из уважения к Советскому правительству⁸.

После того как Юнгерт доложил 30 ноября в Будапеште о ходе обмена, ему предложили вернуться в Ригу в сопровождении члена военного трибунала, работника отдела контрразведки Министерства обороны подполковника Корнеля Каркиша, знакомого с русскими условиями⁹. В задачи Каркиша в Риге входило допрашивать вернувшихся из плена офицеров, склонять их к доносам и на этой основе составлять подробнейшие донесения для Министерства обороны о солдатах и офицерах, всевавших в Красной Армии, о членах Венгерской Коммунистической партии и их деятельности в Советской России, о лицах, симпатизирующих большевизму. Кроме того, он должен был поддерживать связи с антисоветскими элементами в Риге и сообщать в Венгрию о перспективах падения Советского правительства или возможностях его свержения.

5 февраля 1922 г. из Будапешта была отправлена третья партия из 55 человек. В ней находились Дежё Бокани, Режё Санто, Аладар Хикадэ, Миклош Хенц. Поскольку в этот период началась стачка немецких железнодорожников и венгерские власти опять не оповестили вовремя чехов и немцев, как и в предыдущий раз, на границе у Соба поезд не был пропущен. Эта группа прибыла в Ригу лишь 23 февраля. Но Юнгерт согласился передать советской стороне лишь 27 человек в обмен на 245 офицеров, ссылаясь на необходимость соблюдения пропорции обмениваемых 1 : 6. Советское правительство, естественно, могло отправить и большее число пленных офицеров, но новая тактика венгерских властей — они задержали приговоренных к смертной казни и длительному тюремному заключению, в том числе Пала Кери — побудила его к определенной осторожности. Поэтому советская сторона согласилась обменять третью партию лишь тогда, когда Юнгерт дал твердое обещание со следующей группой передать Кери и других приговоренных к смертной казни. Одновременно было серьезно указано Юнгерту на то, что если венгерские власти и далее будут саботировать соглашение, то советская сторона приостановит дальнейший обмен. В это же время было дано указание не отправлять в Москву венгерских офицеров из красноярского лагеря военнопленных. Этими мерами Советское правительство стремилось принудить Венгрию к добросовестному исполнению соглашения.

⁸ Шлезингер был членом немецкой социал-демократической партии. Поэтому некоторые из подлежащих обмену заключенных просили его о выезде не в Советскую Россию, а в Германию, где в то время находились в политической эмиграции венгерские социал-демократы. По моим сведениям, Шлезингер с пониманием относился к подобным просьбам и разъяснял, что такие лица могут отправиться из Москвы в Германию лишь после совершения обмена и с согласия советских властей. Советские власти заявили, что вопрос об отъезде будет решаться в соответствии с волей и совестью каждого из политических эмигрантов. Все желающие переехать на Запад получили эту возможность; среди них были Антал Довчак, Петер Агоштон, Пал Кери, Хенрик Кальмар (позднее покончивший самоубийством в западной эмиграции), Шандор Апати, Геза Беренд, Оскар Фабер, Оскар Роберт и некоторые другие.

⁹ Государственный архив. Конфиденциальное сообщение министра обороны министру юстиции № 2842/36, 1921.

Венгерская сторона не реагировала на это предупреждение. Совет министров Венгрии (в результате ухищрений министра юстиции Томчани) 17 марта 1922 г. принял решение не передавать Кери вне очереди. Тогда советская сторона после передачи четвертой партии приостановила обмен и решила отправить обратно в Москву капитана Маршалла, заявив, что ответственность за последствия ляжет на венгерские власти.

Советское правительство также передало венгерскому правительству дополнительный список 73 лиц, брошенных в тюрьму за последнее время. Из перечисленных в этом списке 13 человек были приговорены к смертной казни, 14 — к пожизненному заключению, 38 — к лишению свободы сроком свыше 10 лет и 8 ожидали сурового приговора¹⁰. Однако Министерство иностранных дел и Юнгерт медлили с ответом. Принимавшие косвенное участие в обмене представители Латвии, Германии и Чехословакии не одобряли действий венгерских властей, направленных на обход или прямое нарушение соглашения. Некоторые из них при случае заявляли об этом и обращали внимание венгерских дипломатов на некорректное поведение венгерских властей. Эти заявления, а также новая волна прошений родственников пленных офицеров и в особенности некоторых влиятельных лиц (например, отца капитана Маршалла, опасавшегося, что его сына вернут в Москву и приведут в исполнение смертный приговор), повлияли на действия венгерских властей. 19 июня 1922 г. они приняли требования Советского правительства, которое выдвинуло теперь определенные условия. Основным было точное выполнение соглашения. Другими условиями были: а) венгерские власти немедленно прекращают репрессии и антисоветскую клевету, а также отказываются от метода уговоров, лживых обещаний и угроз с целью добиться от политических эмигрантов отказа выехать в Советскую Россию; б) венгерская сторона обязывается не позднее августа 1922 г. отправить отдельными партиями в Ригу жен и детей эмигрировавших; в) большая часть приговоренных к смертной казни или пожизненному заключению будет отправлена в Ригу с пятой партией; г) со следующими партиями, но не позднее 1 августа, будут переданы политические заключенные, указанные в дополнительном списке; д) советская сторона передаст венгерской стороне новый дополнительный список, и если указанные в нем лица выразят желание эмигрировать, они должны быть доставлены в Ригу не позднее октября 1922 г.; е) время действия соглашения не истекает окончательно, и Советское правительство и далее оставляет за собой право требовать выдачи политических заключенных, приговоренных венгерскими судами к смертной казни, пожизненному заключению или лишению свободы на 10—15 лет; ж) венгерская сторона обязывается в каждом отдельном случае немедленно по отправлении партии из Будапешта или в крайнем случае по телефону из Щецина оповещать свое представительство в Риге о количестве приговоренных к смертной казни или пожизненному заключению.

После заключения этого соглашения Юнгерт послал из Риги главе немецкого представительства в Москве следующую телеграмму: «Приняв последние пожелания русских, мы условились со здешним послом от отправке из Москвы 23 июня венгерских заложников»¹¹.

Обмен больших партий продолжался до 22 октября 1922 г. Отдельным составом прибыли также и все члены семей эмигрантов. Юнгерт в октябре 1922 г. возвратился в Будапешт; Каркиш покинул Ригу еще в конце августа. После доставки крупных партий закончилась работа предста-

¹⁰ Государственный архив Венгрии. Секретное сообщение министра иностранных дел Банффи (№ 46013/13, 26 февраля 1922 г.), в котором он одновременно упрекает Томчани за то, что не отправили Кери и приговоренного к пожизненному заключению Глаттера с третьей партией, как это обещал советской стороне Юнгерт.

¹¹ «Hadifogoly magyarok története» («История венгерских военнопленных»), Вр., «Athenaeum», 1930, II. köt, 476—477. old.

вителя Латвийского правительства Якобсона. Он, как бывший царский чиновник, с определенным предубеждением следил за развитием молодого Советского государства, но на протяжении всего обмена вел себя корректно и после его окончания признал, что Советское правительство проводило обмен с точностью часового механизма, что очень облегчило посредничество Латвийского правительства и лично его работу. Он добавил также, что имевшие место недоразумения не были вызваны Советским правительством.

Обмен небольших групп проходил также в 1924 г., а обмен отдельных лиц, основанный на двустороннем соглашении, и впоследствии.

